

Родина Октября стала страной, в которой создается обилие духовной культуры для всего народа. Просвещение, наука, литература, искусство достигли невиданных расцветов. Они демократичны на только по своему внутреннему содержанию, но и потому, что стали достоянием масс.

В первые месяцы существования советской власти великий Ленин написал статью «Главная задача наших дней». То были дни становления советской власти. Молодая республика, рожденная Октябрем, только начинала жить. Международные империалисты плели паутину заговоров, душили республику блокадой. Страна переживала голод и разруху. В эти тяжелые дни и раздались простые, ясные и мудрые слова Ильича. Взором мыслителя и проводником он смотрел на десятилетия вперед, в наш сегодняшний день.

Ленин взял эпитафию к статье некрологическая о дореволюционной России: Ты и богу, ты и обильная, Ты и могучая, ты и бессильная — Матушка-Русь!

Наша задача, говорил Ленин, «...непреклонная решимость добиться до того бы мы стали тогда, чтобы Русь перестала быть угорной и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной. ...У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

С гордостью мы оглядываемся сегодня на пройденный путь. Наша гордость законна. Под руководством того, кто привнес из рук Ленина руль партийного и государственного корабля, под руководством Сталина, мы выполнили ленинский завет. Нет в мире более могучей страны, чем Совет Социалистических Республик.

У нас были и трудности. Враги извне и внутри страны яростно мешали нашему строительству. ...нам, — говорил товарищ Сталин, — приходится строить под огнем. Представьте себе лампочка, который, строя одной рукой, другой рукой защищает тот дом, который он строит».

Но мы неустанно шли к самой заветной цели человечества — к коммунизму. Наш паровоз, лети вперед, В коммунистическую страну. Иного нет у нас пути, В руках у нас винтовка.

Так цели советские люди еще тридцать лет назад. Иного пути у нас не было. Да мы и не хотели пути иного. Что касается винтовки, — тогда это был самый необходимый инструмент для строительства социализма, — грома интервенций и белогадаришину, мы строили новое общество. Срывав с шеи своей капитализма и помещиков, взяв власть в свои руки, трудовой народ показал, что времена, когда матушка-Русь была бессильной, ушли в прошлое.

Октябрьская революция выдвинула в освободившийся народ могучую силу советского патриотизма, в основе которого лежали преданность и верность своей социалистической Родине и братское сотрудничество трудящихся всех наших стран.

Ленин видел полную победу дела революции в коренной перестройке веками сложившегося уклада жизни страны. Сталинские пятилетки преобразили Родину. Выросли новые заводы, фабрики, электростанции, шахты, дороги, новые города, такие, о которых царская Россия не могла и думать. Это — победа индустриализации страны. Там, где когда-то пестрели узкие полоски «единоличных крестьянских хозяйств», где ташались клячи, впряженные в соху, теперь раскинулись широкие, бескрайние колхозные поля, на которых гулят тракторы и комбайны. Это — победа коллективизации сельского хозяйства.

История не знала таких темпов преобразования. Развитие нашей страны не было простым и обычным развитием от отсталости к прогрессу. «Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную» (И. Сталин). Сделать этот исторический скачок могла только наша страна.

Ленин говорил, что для создания «могучей военной и мощи социалистической» нам надо работать «над укреплением... строительного сотрудничества всенародных сил...», над использованием природных богатств, «чтобы снабдить всех и каждого едой не обильной, но достаточным количеством средств к жизни».

Новые стройки — сталинские стройки коммунизма — блестящий образец строительного сотрудничества всенародных сил, сотрудничества, которое возможно лишь в нашем, социалистическом обществе. Они являются новым гигантским шагом в использовании богатств природы для создания обилия средств к жизни. Наша могучая и обильная Родина станет еще более могучей и обильной.

Социалистический строй воспитал в советских людях самые высокие человеческие качества. Советский человек — это человек нового духовного облика, сознательный, идейный строитель коммунизма. Советский человек не мыслит свою жизнь без повседневного творчества, новаторства, создания. Стахановец, заботящийся о лучшем использовании оборудования, и колхозник, работающий над выращиванием более высоких урожаев, ученый, создающий новые открытия, и писатель, создающий новую книгу, — все они объединены одной великой идеей мирного создания, идеей строительства коммунизма.

Неизмеримо вырос культурный уровень советских людей. Одним из ярчайших проявлений этого роста является сталинское движение, всенародный размах социалистического соревнования. Идейное, культурное воспитание народа является у нас общегосударственным делом. Коммунистическое воспитание трудящихся партия Ленина — Сталина рассматривает, как свою важнейшую задачу.

«Характерная особенность нашей революции, — говорит товарищ Сталин, — состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни».

Социалистическая культура хорега и близка, всему передовому человечеству, ибо она выражает самые передовые, самые высокие идеалы, самое прогрессивное — коммунистическое мировоззрение.

Пропясть отделяет мир социализма от капиталистического мира. У нас — сознательный, свободный творческий труд миллионов, неустанный рост благосостояния масс. В капиталистическом мире — бесцельный свет, рост безработицы и массового обнищания людей труда. У нас — духовный, идейный рост людей, рост культуры и просвещения. В капиталистическом мире — свободная мысль объявлена вне закона, на подлинную культуру и просвещение наложено полицейский запрет.

Как светоч воплощенной мечты, как маяк мира, надежды и счастья, высится над миром наша страна. К ней обращены взоры, ее пример и опыт вдохновляют миллионы людей. День победы Октябрьской революции и образования советского государства стал днем коренного поворота во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира к новому, социалистическому, миру.

Пример и опыт великого социалистического государства используют трудящиеся стран народной демократии, строящие социализм. Все больше и больше черты социалистической жизни входят в жизнь трудящихся стран народной демократии.

Пример и опыт великого социалистического государства используют трудящиеся капиталистических стран в своей борьбе за мир, демократию и социализм.

Вокруг Советского Союза сплачиваются сторонники мира своей Родины, Советский Союз, как самая сильная и самая миролюбивая страна, стоит во главе многомиллионного лагеря, борющегося против поджигателей войны, за мир во всем мире.

Третью века прошла со дня Октябрьской победы. Треть века победоносного строительства коммунизма!

«Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции, — писал В. И. Ленин, — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее». Ленин и Сталин учат нас критически оценивать нашу работу, не обольщаться успехами, смотреть вперед. Самокритика является движущей силой развития советского общества, постоянно действующим оружием большевизма.

Задачи коммунистического воспитания масс требуют, чтобы оружие большевистской критики и самокритики всегда было отточено. Борьба с пережитками капитализма в сознании людей: с космополитизмом, предрассудками, суевением, с культурным отщепенством к делу, с косностью, бюрократизмом — наша насущнейшая задача. Устранение этих пережитков прошлого ускоряет движение к коммунизму. И здесь для советской литературы еще непочатый край работы. Советская литература должна стать еще более активным помощником нашей партии в коммунистическом воспитании масс!

В 1926 году Маяковский писал о девятой октябрьской годовщине:

Нам  
девятый Октябрь —  
не покой,  
не причал,  
Сквозь десятки таких девяти  
мог жной,  
живая мысль Ильича,  
нас  
к последней победе веди!

Мы уверенно смотрим вперед. Каждая октябрьская годовщина — веха на большом и славном пути, итог большой работы, напоминание о нерешенных задачах.

Всеми нашими всемирно-историческими успехами мы обязаны великой партии Ленина — Сталина, ее мудрому ленинско-сталинскому руководству. Партия большевиков — ум, честь и совесть эпохи — привела нашу страну к Октябрьской победе. Партия большевиков уверенной и твердой рукой провела нас сквозь бури и грозы к социализму, партия большевиков сплочивает, воодушевляет, организует и ведет советских людей к великой цели — коммунистическому обществу.

Мы побеждали и будем побеждать, потому что свято следуем ленинским заветам, твердо идем по ленинскому пути, потому что ведут нас по этому пути большевистская партия, великий Сталин.

Коммунизм зримо и весомо входит в нашу жизнь. Дело Октябрьской революции победоно в России. Дело Октябрьской революции победит во всем мире.

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперед, к победе коммунизма!

Великий Сталин — знаменосец мира, Надежда мира и его оплот.  
Под зловонным небом нищего Бомбея, Где слова правды, словно хлеба, жгут, И северней Пхеньяна, и южнее Войны за мир за Сталиным идут.  
И всей земле, всему земному шару Слова правды говорит народ: — Нет, не дадим, не быть войны пожару — Народ простой за Сталиным идет!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 104 (2895)

Суббота, 4 ноября 1950 г.

Цена 40 коп.

## Москва — университет мира

Сергей ГЕРАСИМОВ

Тридцать три года Москва несет звание первого города мира, города, к которому страстно тянется все живое, все прогрессивное. И сейчас, когда заокеанские агрессоры угрожают человечеству новой мировой войной, слово Москва приобретает особый глубокий смысл для всех мирных трудящихся на земле.

Ежедневно в Москву приезжают представители разных стран — рабочие, крестьяне, деятели научных, литературных, студенческих организаций. Они приезжают в Москву, чтобы своими глазами увидеть достижения советского народа, чтобы пережить у советских людей опыт новой, разумной, справедливой творческой жизни.

Их восхищает Москва — город, который растет буквально не по дням, а по часам. Их восхищают и вдохновляют полнота и творческая устремленность московской жизни, где каждый день, каждый час, каждая минута отаны на службу всенародным интересам, где под красными звездами Кремля неустанно работает могучее государство, где трудится светлый гений человечества — великий Сталин.

И, возвратившись домой, честные люди стремятся поведать своим друзьям правду о Москве. Преодолевая все препятствия враждебных им сил, они находят мужество бороться и смело говорят о том, что они видели, что они поняли, чему научились.

Светлый облик Москвы является вдохновляющим примером для Китая, где одержал победу справедливый демократический строй, где миллионы трудящихся людей создают новую творческую жизнь.

В течение года мне довелось работать над созданием фильма «Освобожденный Китай». Мы приехали в Пекин в торжественный день провозглашения республики. Мощная демонстрация народа живо напомнила нам праздники в родной Москве. Рядом с портретами Мао Цзэ-дуна и Чжу Дэ демонстрировались неслышимо портреты Ленина и Сталина.

Мы видели красоту освобожденных людей, красоту революционной ответственности, искренней дружбы двух революционных народов, навеки сбросивших с себя гнет китайца. И чем ближе мы знакомимся с жизнью рабочих и крестьян Китая, с жизнью и деятельностью трудовой интеллигенции, тем яснее раскрывалась перед нами сила этой великой ответственности.

Мы видели железнодорожников Циняо, которые во внеурочные часы ремонтировали паровозы. В начальных школах Китая мы видели стальные дети, созданные руками девятилетних детей. В этих газетах почетное место всегда занимали портреты Сталина или вырезанные из советских журналов портреты любимых героев — Зои Космодемьянской и Олега Кошевого, или изображение Кремля, Москвы.

Во время пребывания в Китае мы заметили, что и там высокая требовательность к себе и другим стала органической потребностью людей, самокритика стала необходимостью, как и у нас, в Советском Союзе.

В одной из пьес, поставленных в молодом театре в Пекине, есть такая сцена. Девушка провожает на фронт своего возлюбленного. Об отношениях этих двух молодых людей можно догадаться только по той молчаливой внимательности, с которой они относятся друг к другу. Но вот разлука. Сейчас будет сказано самое сокровенное, будут произнесены самые важные слова. Что же это за слова? Девушка говорит возлюбленному: «Скажи мне на прощанье о моих недостатках». Он исполняет ее желание. Он говорит, что она еще недостаточно дисциплинирована и

должна глубже продумать каждый свой поступок, так как теперь она — не просто молодая девушка, а боец за общее всенародное дело. Скавав это, он в свою очередь просит, чтобы она назвала его недостатки. Девушка не находит слов. Она отворачивается и молчит. Она так сильно любит, что не видит недостатков в своем возлюбленном. «Вот еще один твой недостаток, — говорит юноша, — ты еще не научилась подчинять свое сердце велениям разума и товарищеского долга. Это мало для настоящей любви».

Эта сцена не производит впечатления надуманной. Наоборот, она очень правдиво показывает то новое, что отличает молодое общество свободного Китая.

Тот же молодежный театр первой своей пьесой из переведенных советских пьес поставил «Как закалялась сталь» Николая Островского. Успех этой пьесы в Пекине огромен. Спектакль поставлен молодым режиссером Сун Вей-ши. Сун Вей-ши — женщина, получившая образование в Москве, в ГИТИС. Ей удалось поставить полинно революционный спектакль — реалистический, искренний и правдивый. Более того, ей удалось передать те внутренние и даже внешние черты, которые отличали советскую молодежь в первые годы революционной борьбы. Спектакль сопровождается песнями в отличном исполнении звучного, слаженного хора. «Рева той стогне Днепр широкий» и другие наши песни звучат в новом китайском театре, как родные. Зрители встречают их бурными аплодисментами. Они слышат в песнях голос нашей культуры, несущей свет и счастье человечеству.

Это было в одном из кинотеатров Соединенных Штатов. Нам пришлось показать наиболее «прогрессивный», с точки зрения наших хозяев, кинофильм. Я не помню сейчас ни названия, ни сюжета этого фильма. В нем все было уродливо и страшно. Видимо, автор имел в виду вызвать публику суровой критикой своего общества. Это ему не удалось. Критика, по нашим понятиям, основывается прежде всего на утверждении ведущего положительного начала. Автор фильма не показал ни одного честного человека, не показал ни одного светлого поступка: только гангстеры, проститутки, убийцы смеялись друг друга на экране.

Когда этот отвратительный фильм закончился, пожилой критик, сопровождавший нас, спросил: «Ну как, вам понравилось?». «Нет, нам совсем не понравилось», — ответили мы. «И так и знал», — сказал он, торжествуя. — Но почему вам не понравилось? Вы же против капиталистического строя? Ведь здесь вскрываются язвы капитализма!» Несколько упрощая ответ, мы свели его к самому основному: «Практика показывает — это еще очень малая услуга обществу». «Ах, вот что», — сказал критик, — вы еще идеи заботели... У нас не только кино, но и люди давно уже живут без идей». — И он грустно усмехнулся.

В Пекине я вспомнил об этом фильме и его зрителях — мрачных и безмолвных. Уже очень разлетел был контраст. Там, в США, все было смерть, тлен, распад, неверие в жизнь, неверие в человека. Здесь, в Китае, в этой древней и такой молодой сейчас стране, все прославляло жизнь, все утверждало право на человеческое счастье, во всем выдвигались черты новой демократической культуры.

Москва!..  
Всем понятны волнующие чувства, с

какими возвращаешься в нашу столицу после долгой и нуд разлуки. Вступив на священную землю Москвы, начинаешь по-настоящему разбираться в полученных впечатлениях.

В Москве еще ярче чувствуешь все то хорошее, что пришлось увидеть в свободных странах лагеря мира. В столице Советского Союза видишь как бы будущую жизнь наших зарубежных друзей, их замечательный востраший день.

И это ощущение неперелавимо. Во много крат усиленный и проясненный, возникает он, этот востраший день Китая и демократической Восточной Европы в славных деяниях наших сталинцев, в великодушных буднях культурной Москвы, в всеком смехе советских детей.

И в то же время именно в Москве, например, после просмотра очередного шедевра советского фильма, с особой отчетливостью понимаешь всю глубину падения стран, подвластных доллару, губящую падения их культуры, искусства.

Бесконечно велика заслуга Москвы, этого подлинного университета новой демократической культуры, города, провозгласившего борьбу за мир, вставшего грудью на защиту мира. С каким могучим размахом, с какой любовью откликнулись трудящиеся люди на призыв Москвы бороться за мир и отстоять его во что бы то ни стало!

Этот голос миллионов вызывает трепет у поджигателей войны. Они продолжают свои грубые провокации. Они развращают откровенную агрессию. Они стремятся расширить эту агрессию до пожара мировой войны. Но тот, кто видел китайских рабочих в Анхоу и Бенси-ку; кто слышал выступления шанхайских текстильщиц; кто беседовал с румынскими крестьянами, посетившими в этом году Москву; кто слышал выступления рабочих турских заводов, подаривших рабочим Москвы символические знамя вечной дружбы советского и итальянского народов; кто слышал выступления Уайрайта, секретаря Общества англо-советской дружбы, — тот знает, что не так просто сейчас развязать войну между народами. Люди знают теперь, где правда, а где ложь.

«Заслуга Москвы состоит в том, что она является галактикой борьбы за прочный мир и дружбу между народами, галактикой борьбы против поджигателей новой войны. Для империалистов война является наиболее доходной статьей. Не удивительно, что агенты империализма стараются так или иначе спровоцировать новую войну. Заслуга Москвы состоит в том, что она неустанно разоблачает поджигателей новой войны и собирает вокруг знамени мира все миролюбивые народы. Известно, что миролюбивые народы с надеждой смотрят на Москву, как на столицу великой миролюбивой державы и как на могучий оплот мира».

Ясный, светлый сталинский гений открыл в этом определении наиболее глубочайший смысл новой Москвы для всего трудового человечества.

Какая гордость, какое влечение испытывает каждый человек, включивший радиоприемник и слушающий позывные Москвы, слушающий Красную площадь, звон кремлевских курантов и гимн великой, прекрасной Родины социализма. Эти торжественные звуки, доносясь над миром, наполняют сердца трудящихся людей гордостью и счастьем, вдохновляют их на новые подвиги во имя мира, во имя свободы и счастья человечества.

## В ОДНОЙ РАБОЧЕЙ СЕМЬЕ

Ноябрьский ветер. Улицы и площади Москвы одеваются в праздничный наряд. В каждом доме готовятся к торжеству. Бригадир Московского электромашинного завода Виктор Федорович Куринин только что вернулся домой со светком. В нем — подарки дочери. Вместе с женой Анной Ивановной Куринин подходит к кровати ребенка, и мать раскладывает игрушки. Приселась Наташа, и радостным смехом наполняется комната!



Виктор Федорович любит Наташу в часы отдыха и думает о ней в часы труда. Ровесник Октября, он сражался за Одессу, за Новороссию, за Севастополь. Он оставил будущие обязанности дочери, детей всего земного шара. Теперь, неся сталинскую вахту мира, переполняя нормы, он также заботится о будущем своего ребенка, всех детей, всего человечества.

Сегодня Виктор Федорович, выбирая в магазине «Детский мир» для Наташи игрушки, вспомнил не-

давно прочитанный об «атомных игрушках». Он вспомнил рекламу американских фирм: «Популяйте для детей атомную бомбу. Цена два с половиной доллара». И еще объявление: «Требуйте в наших магазинах игрушки «Прямое попадание». А к этой «игрушке» приложена размаляванная картинка: мальчик, в руках которого самолет с четырьмя подвешенными бомбами. Внизу под крыльями атомова модель мирного города. Стоит только потянуть за веревочку, и игрушечные бомбы упадут на город...»

Точно так, как падают сейчас смертоносные бомбы на мирных людей Кореи, Малайи, Вьетнама. Другому, разумному и полезному, унат Наташу Куринину, унат всех советских ребят. Их мир — это тепло и свет советской жизни. — Не бывает войны! — вот оно, слово людей доброй воли. Мир всем детям, мир человечеству! Фото Е. ТИХАНОВА

## Говорит Красная площадь!

7 ноября 1950 года, за пятнадцать двадцать минут до начала парада на Красной площади, одновременно все радиостанции Советского Союза бросят в эфир торжественные слова:

— Говорит Москва! Наш микрофон установлен на Красной площади! Работают все радиостанции Советского Союза!..

Эти слова услышат не только по всей необъятной нашей стране, но услышат весь мир. И какое честное сердце не дрогнет радостью в эту минуту! Каждый опутит свою близость к священной площади советской столицы, где великий Сталин и его боевые соратники встречаются с народом — строителем коммунизма.

В миллионах репродукторов будет слышен сдержанный гул площади, на которой стоят готовые к параду войска, а на гранитных «трюбах» вдоль Кремлевской стены собрались тысячи гостей — знатных людей столицы, делегатов из зарубежных стран. В гул площади врезается бесконечно знакомый всем хрустальный перестук кремлевских курантов. Часы отбивают третью четверть. И с этого мгновения там, на площади, начнется волнующая и почетная работа группы советских писателей и радиожурналистов: стоя у микрофона, они должны рассказывать о том, что происходит на Красной площади.

В этих традиционных радиопередачах постоянно принимают участие большая группа писателей. С Красной площади ведут рассказы А. Сурко, А. Софронов, Б. Половой, Л. Кассиль, В. Божовичков, А. Первенцев, А. Жаров, И. Андроников, С. Кирсанов, Л. Славян, Е. Долматовский, Е. Кригер, Вс. Ильяков, А. Чаковский и другие.

Первая праздничная радиопередача с Красной площади была проведена более двадцати лет назад. Тогда и родилась традиция непрерывного участия радио во всенародных праздниках. Радио как бы раздвигает границы Красной площади до границ страны, делая миллионы советских людей участниками всего, что происходит в эти дни в Москве. И не только в Москве. Высокое развитие советской радиотехники в этом смысле открыло поистине сказочные возможности. Красная площадь на несколько минут включает дальнюю пограничную заставу, и вкрут торжественное, неумолчное звучание ликующей Москвы сменяется тишиной, — вы слышите ровный шум леса. Советский пограничник, несущий вахту на границе, обращается к Родине со словами праздничного приветия и солдатской клятвы бдительно охранять мирный труд своего народа...

И снова бурлит, поет Красная площадь и продолжает рассказ о великом празднике в советской столице. А через пятнадцать-двадцать минут в эфире уже звучит мягкая украинская речь и слышны веселые и нежные украинские песни — это включает Киев, демонстрация на Крещатику...

Говорит Ленинград, Минск, Тбилиси, Рига, кубанский колхоз, гигантская новостройка. Урал, где в этот день плавят металл доменные печи и мартены. Отсюда, слышась с торжественным звучанием Красной площади, доносятся голоса советских людей: новаторы промышленности и сельского хозяйства, ученых, военнов, строителей.

Но вот в передаче с Красной площади наступают минуты, когда радио передает голоса наших верных зарубежных друзей... Ведущий радиопередачу говорит:

— Сейчас мы услышим голоса наших китайских друзей. Слушайте! Включаем древяную столицу Китая — Пекин...

В репродукторах возникает гул пограничной, и вдруг ясно, совсем близко звучит ритмичная китайская музыка, гремит барабаны, а затем мы слышим отрывистую китайскую речь, слышим перевод сердечных слов приветия, прилетевших на Красную площадь от наших далеких, во таких близких друзей...

Потом говорит Будапешт, Прага, София, Варшава, Париж, говорит миролюбивая демократическая Германия... Их голоса влетают в звучание Красной площади, делая ошутимой сердцем близость нам всех честных людей на свете.

На Красную площадь размурют из Тихого океана моряки советского парохода: «Мы слушаем Красную площадь. В честь праздника рейс заканчиваем дозором. Сердечный привет любимой Родине...» Приходит радиопередача с замком в Арктике: «Слушаем Москву, всем сердцем мы со своим народом, вместе с вами на Красной площади...» Все эти радиопередачи немедленно с Красной площади передаются в эфир.

Несколько часов длится этот необычайный живой радиорассказ о торжестве советского народа, гением великого Сталина вдохновленного на подвиги во имя человеческого счастья.

В. АРДАМАТСКИЙ  
Юлия ДРУНИНА  
СЕУЛЬЦАМ  
Тихо-тихо.  
Все так, как падают сейчас смертоносные бомбы на мирных людей Кореи, Малайи, Вьетнама.  
Вероятно в городе Сеуле жители не спят.  
В темноту глядят тревожными взглядами, подбегая к окнам без колючки...  
Жители Сеула, с вами рядом преданные русские сердца.  
И у нас бывали дни печали: не забудет русский инкогда, как его к отишению призывали отданные с кровью города.  
Но в беде мы плечи не согнули — смерть ждала врагов со всех сторон.  
Пусть в корейском городе Сеуле вспомнят русский город Красодон!

Анатолий СОФРОНОВ

## ЗА СТАЛИНЫМ!

Встает рассвет. Дымит вдали завод. Стоит на вахте наш родной народ. В одном строю проходят с нами годы И вся страна за Сталиным идет.  
Он нам открыл историю законов, — И все пути ясны и широки; Вокруг вождя рядами, непреклонно Строители идут, большевики.  
И от Курил до снежных гор Памира У всех долгот, у всех земных широт,

Великий Сталин — знаменосец мира, Надежда мира и его оплот.  
Под зловонным небом нищего Бомбея, Где слова правды, словно хлеба, жгут, И северней Пхеньяна, и южнее Войны за мир за Сталиным идут.  
И всей земле, всему земному шару Слова правды говорит народ: — Нет, не дадим, не быть войны пожару — Народ простой за Сталиным идет!

# Далеко от Сталинграда

Анатолий СУРОВ

По знаменательному, неповторимому стечению обстоятельств случилось так, что Сталинград на протяжении трех десятилетий четырежды становится центром, привлекающим к себе внимание миллионов людей. На волжском берегу, там, где река — любимица народа, ставшая уже символом нашей Родины, делает последний перелаз над широким разливом степей и вод, под высоким степным небом раскинувшись этот город, — там, на волжских крутых берегах, неоднократно решалась сама судьба нашего государства, нашей жизни, наших надежд, наших мечтаний.

Огромна сталинградская перспектива! Сталью сверкает волжская вода... Сталью серебрятся степные травы... Сталью отливает небо...

Сталинград! Воплощение нашей стальной воли, нашей стальной твердости. Имя Сталина как нельзя лучше подходит городу, могучему городу.

...Сталин был здесь в памятное тревожное лето 1918 года. От судьбы города зависела судьба республики. Битва за Царицын, руководимая Сталиным, приблизила полный разгром белогвардейцев и интервентов. Москва и Питер ждали с Волги хлеба.

...Сталинская мысль дала городу один из крупнейших гигантов первой пятилетки — тракторный завод, выстроенный в степи за неслыханный рекордный срок — одиннадцать месяцев!

...Сталинский полководческий гений управлял здесь войсками в дни небывалой в истории битвы, когда гитлеровские полчища понесли самое тяжелое, самое жестокое поражение, навсегда определившее и судьбы мира и наше историческое место в мире.

...Лыне сталинской рукой начертано на карте страны место, где создается один из крупнейших источников технического могущества нашего коммунистического завтра — Сталинградская гидроэлектростанция.

Лаконичные шаги истории. Отсюда, из Сталинграда, Иосиф Виссарионович писал Владимиру Ильичу Ленину: «Можете быть уверены, что не пошамим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим».

Хлеб — это означало — победа! Здесь, в Сталинграде, сошел с конвейера первый трактор марки «СТЗ».

Тракторы — это означало — победа! Здесь, в Сталинграде, наши солдаты вывели из подвала «стратегов» и «тактиков» гитлеровской империи. Гитлеровские генералы и фельдмаршалы сложили в ногам советских солдат свои боевые знамена, с которыми шли они завоевывать мировое пространство.

Разгром гитлеровцев в Сталинграде — это означало — победа!

Ныне в точных и светлых строках постановлений партии и правительства мы почувствовали почерк вождя, полководца счастья, создателя побед. В сердце каждого советского человека снова и снова гордо звучит прекрасное имя — Сталинград!

Здесь леса новостроек встают над руинами священных мест великого сражения.

Нашей славы и гордостью, песней нашей победы раскинувшись над Волгой — Сталинград!

К Сталину, Ворошилову, Буденному стигавшись сюда, к Царицыну — волжской твердыне, лучшие силы народа: москвичи и таджики, уральцы и казахи... На Сталинградский тракторный шла молодежь Ленинграда и Омска, Ташкента и Уфы, Свердловска и Тулы.

А есть ли сейчас хоть один город в нашей стране, где не найдешь человека с ленточкой сталинградской медали на груди? Есть ли хоть один рабочий поселок, хоть один завод, хоть одно село, люди которого в дни войны не отделили от Сталинграда плоды своего труда?

Далеко от Сталинграда и в самом Сталинграде, на Волге и на отдаленном Енисее, на бурной Ангаре и на Неве, законченной в гранит, на самом Тереке и на широких просторах Днепра — везде сражались за эту победу: солдаты — на фронте, партизаны — за линией фронта, рабочие и колхозники — там, где линия фронта проходила, казалось, через каждый цех, через каждое поле, через каждое сердце.

Единодушью народа многократно испытано здесь, в Сталинграде. И то, что через несколько лет именно в этом городе засияет солнечным светом огни Сталинградского ГЭС, будет славной наградой, величайшим памятником всем, кто отдал героической истории волжского города свои силы, свое сердце, свою кровь.

Решения о строительстве гидроэлектростанции в Куйбышев, Сталинград, Каховке, о сооружении Главного Туркменского, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, об орошении и обводнении районов Прикаспия, Западной Туркмении, низовьев Аму-Дарьи, западной части пустыни Кара-Кумы, южных районов Украины и северных районов Крыма — сами по себе эти решения — свидетельство того, что советский народ достиг таких невиданных в истории человечества возможностей, что мы способны брать на себя задачи подлинно коммунистического масштаба.

Откуда только не идут к Сталинграду и Куйбышеву, к Каховке и Красноводску эшелоны, караваны судов, колонны автомашин с драгоценными грузами. А почта приносит в Москву все новые и новые письма, открытки, телеграммы — тысячи людей жаждут принять участие в выполнении сталинских коммунистических сооружений. Другие тысячи едут на места строительства, обгоняя свои письма.

...Далеко от Сталинграда, далеко от Куйбышева, далеко от Каховки, далеко от Аму-Дарьи начинается, закипает, набирает силы новое громадное народное движение. Рабочие заводы в Камышине отправили строителям гидроэлектростанции на Волге две партии высоковольтных изоляторов на две недели раньше срока. Эти 14 дней, отведенных у времени, добыты для будущего. А сколько часов, дней сложится из успехов рабочих Челябинска, которые дают строителям моторы для экскаваторов,

мощные тракторы, бульдозеры, скреперы? Что сулят успехи ломовщиков, прокатчиков, сварщиков, вальцовщиков Магнитогорска, которые шлют на Волгу, на Днепр, на Аму-Дарью тысячи тонн металла? Да что говорить, если один только Виктор Неномарев, лауреат Сталинской премии, выполняющий ныне заказы гидроэлектростанций Волги, дал уже 30 годовых норм.

Темпы нарастают. Но дело не только в темпах. Конечно, мы радуемся успехам металлургов Енисейска, автостроителей Горького, станкостроителей Тбилиси, электриков Ленинграда, машиностроителей Урала... Дело, однако, еще и в том, что сооружение могучих гидроэлектростанций — это подлинное знамя технического прогресса всей советской страны, нашей советской науки. Конструкторы Свердловска спроектировали сверхмощный плавающий экскаватор; конструкторы Ново-Краматорского завода создали еще более мощный гусеничный экскаватор. Проектируются новые линии электропередач, оснащенные совершенно новым, специально сконструированным оборудованием, новые, плавильные станции, транспортные механизмы, турбины...

Нам, советским людям, сейчас по плечу такие технические задачи, решение которых далеко оставляет позади все «чужие» заочкаской индустрии. Ленин почти тридцать лет назад, во время строительства скромной Башкирской электростанции, сказал: «12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним». И вот мы называем теперь цифры: 100 тысяч киловатт, 250 тысяч киловатт, два миллиона киловатт... Пусть попробуют теперь посмеяться господа, знакомые с зарубежной электрификацией! Одновременное осуществление нескольких сооружений такого масштаба не под силу ни одной капиталистической стране.

Наши друзья в молодых странах новой демократии учатся у нас. Сооружаются новые каналы в Румынии, возводятся новые заводы в Польше, создаются сельскохозяйственные артели в Венгрии, растут ряды стажеров в Чехословакии, в Болгарии. Прилет пора, когда могучие реки Китая отдадут народу свою энергию, когда изменчивая Хуанхэ и плодородная Ингзы осветятся огнями грандиозных сооружений...

В песне о героической Каховке времен гражданской войны есть хорошие слова: Мы мирные люди, но наш бронепоезд Стоит на запасном пути.

Пусть знают те, кто строит не гидроэлектростанции, а заводы атомных бомб, те, кто думает не о возведении горелок, а об их разрушении, — мы не забудем уроков прошлого, мы сумеем отстоять свое будущее.

Порукой тому слава Сталинграда. Слава города, который дорог всем — и сталинградцам, и тем, кто далеко от Сталинграда, и тем, кто близко от него. Порукой тому коммунистическая сплоченность советских людей, являющаяся миру пример единения, целеустремленности, жизнелюбия!



Этот снимок сделан в колхозе имени Фрунзе Ленинградского района Гаджикской ССР. Миллионными тиражами издаются в нашей стране книги, миллионы читателей находят они во всех уголках страны. Даже в самых отдаленных районах трудно сыскать селение, где бы не было своей библиотеки. На колхозных дорогах нередко можно встретить и передвижные библиотеки, доставляющие читателям книжные новинки НА СНИМКЕ. колхозная молодежь у передвижной библиотеки. Фото Ф. ШАХОВСКОГО.

## В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ У Каховки

Был яркий осенний полдень. На крутом берегу Днепра, развернув топографические карты, расположились инженеры изыскательской партии, уточняющей местоположение будущей Каховской плотины.

Второй день в странноватом месте с ними по Днепру и уже успел привыкнуть к трогательному вниманию, каким окружали изыскатели местные, приднепровские жители. Вот и теперь к нам подошел высокий худощавый человек в гимнастерке, в замысловатых парусиновых сапогах, загорелый, с суровым, энергичным лицом и седыми висками.

— Привет землякам от всего сердца! — сказал он, протягивая смуглую жилистую руку. — Андрей Трофимович Русько. Приехал издалека. Проверить, как тут наши чабаны скот догадывают. — Он кивнул головой в ту сторону, где в золотисто-голубом тумане раскинулись днепровские плавни. — Скот наш тут на выпасе.

— Разве вы из Харькова? — спросил один из инженеров, харьковчанин.

— Нет, не из Харькова, — слегка улыбувшись, ответил Андрей Трофимович. — Колхоз мой — в зеленых местах, южных. А земляками вас потому величают, что вы к нашей Каховской станции отношение имеете...

— Имеем.

— Вот же, значит, и земляки. Однополчане.

Мы закурили. Архитектор, который ездил по Днепру вместе с инженерами, приютился на серой позреватой глыбе ракушечника и принялся сосредоточенно набрасывать что-то в своем большом, разложенном на коленях альбоме. Шуршал, он изредка поглядывая на вспыхивающую раскаленно-белыми брызгами реку и на противоположный берег, такой далекий и туманный, что его кудрявые заросли казались плотно спрессованными клубами дыма, окрашенного в зеленый цвет.

— Дозвольте глянуть, если можно, — сказал Андрей Трофимович, заглядывая через плечо архитектора.

На листах вагмана возникли очертания днепровских берегов с новыми пристанями, зданиями, клубами, школами — всем тем, чего в этом месте еще нет, но что обязательно будет.

— Это так... — смутился архитектор, косясь на Русько, — как говорится, мечтаю.

— Когда карандаш в руке, так это уже не просто мечта, — возразил Андрей Трофимович. — И мечта, и заодно план. — Он вытащил из кармана сложенные вчетверо листы бумаги. Развернул. Листы были испещрены цифрами. — Тоже, скажете, мечта? А я вот взял решение правитель-

ства, подсчитал, сколько воды получат паши земли. Воду разделал на гектары, выходит: три-четыре тысячи кубометров влаги получит каждый гектар. — Андрей Трофимович гордо потряс листками. — А вывод такой: ныне мы, скажем, семь центнеров хлоска берем с гектара, а как пойдет в нашу степь вода, станем самое меньшее тридцать центнеров от хлопчатника требовать!

Русько снова наклонился над альбомом архитектора. Долго смотрел и вдруг сказал, обведя нас сверкающим взглядом загорелых щекавакой-то новой мыслью глас:

— Я думаю, наша Каховская плотина не такая будет с виду, как на Днепротрассе. — Почему вы так полагаете? — заинтересовался архитектор.

— А потому, что местность тут, как бы это выразить... — Андрей Трофимович замаял, не находя иного слова. — Местность у нас помяте будет.

Все присутствующие несколько оглянулись. Голубой, почти такой же, как сентябрьское небо, разлив реки с темноволновыми отражениями прибрежных перелесков, жаркая желтизна песчаных пляжей и аккуратные, словно подстриженные напильниками садовника рошчины на островках. Еле слышимый плеск воды. Широкие, необозримые степные просторы.

— Действительно, местность здесь помяте будет, — согласился архитектор и вдруг, резко перебив себя, поглядел в лицо Русько с нескрываемой радостью. — Так вот, Андрей Трофимович, об этом я тоже думаю. Крепко думаю! На нашем языке, из профессиональным, это называется думать об единстве архитектурного ансамбля.

— Вот, вот, ансамбль, — оживился Русько. — Верно вы мою идею угадали. Чтобы не просто строить разные сооружения, а с умом: и Днепр-красавец не обидится, и степь улыбнется, и нам, степникам, приятнее. Для силы своей и богатства строим, однако надо, чтобы и глаз радовался.

— А вы, Андрей Трофимович, кем в зеленых местах работаете? — поинтересовался я.

— Бригадиром работаю, Колхозник. Архитектор захопнул альбом, встал и, тронув Русько за рукав гимнастерки, сказал:

— Мы с Андреем Трофимовичем об одном мечтаем. И вот почему — хозяева мы с ним...

— Хозяева, верно! — подтвердил Русько.

— А хозяевам обо многом позаботиться надо. — Архитектор подставил лицо свежему днепровскому ветру. — В том числе и о красоте будущей жизни.

## Алексей СУРКОВ Американскому солдату

В дни, когда из всех подворотен Америки иступленный, яростный слышится лай,

в дни коварства, предательства, военной истерии для тебя я пишу эти строки, Джи-Ай.

Где б ты ни был сейчас — на Гавайях, в Германии, на корейских плацдармах в неправом бою, — голос правды моей победит расстояния и достигнет

смятенную совесть твою. Разве, тыслишь миль перебежками вымеряя и окопного лиха хватив через край, Касабланку, Арденны, джунгли на Тиморе ты успел позабить,

ты не помнишь, Джи-Ай? По красным траншеям насквозь не продор ли ты, день и ночь будь они прокляты! — фабриканты оружия, биржевиков?

здоровьем и нервами грозным веком о платле предьявленный счет, а они набивали свинцом и консервами твоей, по-волчьей поджарый, солдатский живот.

Европейская осень, зной Океания продирали тебя до костей, до души.

А они, подсчитав дивиденды заранее, превращали страдания твои в барыши. Континенты засеяв солдатскими трупами, в дни всемирного горя не зная невзгод,

эти трушные черви с немецкими Крупнами полюбовно делили кровавый доход. Еще траур не сняли вдовы и сироты,

не развеяла горе солдатская мать, а могилы для новых покойников вырыты, ветер смерти гуляет по миру опять.

Чтобы снова в крови человечество плавало, шайкой хищников загнано в атомный ярай.

В жертву страшному ядолу Желтого Дьявола Гарри Трумэн обреч твою душу, Джи-Ай.

Одураченный ложью, залуганный карами, обречен ты, фашистскому зверю подстать, сеять смерть, выжигать континенты пожарами, разрушать города

и посевы топтать. Прежде чем президент и его офицеры Поведут тебя в бой, воронью на обед.

Поднимись, настоящий хозяин Америки, И скажи им солдатское гневное: — НЕТ!

Дай отпор одержимым безумием каннам, Стисни руку, над миром занесшую кнут.

Или труса-лакея вместе с хозяином вьнуки вьнуков твоих навсегда проклянут.

## Яков КОЗЛОВСКИЙ День рождения моей Родины

Вечною распахнута над нами Октября немеркнущие знамя. Снова видим, чувствуя волненье, Нашей Революции рождение: В Питере, восставшем объёмом, Ленину у штурвала Октября! Залп «Авроры»!

И над Зимним взятим Безымянным поднята солдатом На древке грядущего зари!

В Смольном, в штабе третьи сутки сряду Весь Ревком работает без сна... — Вас, товарищ Сталин, к аппарату Выборгская просит сторона...

Улицы клокочут, словно реки, Вышедшие вдруг из берегов;

Это разливается навеки По России власть большевиков. О Земле и Мире, — среди грома Всех календарей бывших наповал, — Первый председатель Совнаркома Первые декреты подписал.

Мчится лет крылатых эстафета. И судьбу свою благодаря, Отмечает Родина Советов Тридцатитрехлетье Октября.

Замени полки перед парадом. Бьют часы на Спасской десять раз. Как всегда, товарищ Сталин рядом: Сталин — сердце каждого из нас.

И плывет, плывет перед рядами

Октября немеркнущие знамя! Мы под ним, в кипенье мирных буден Дел грядущих видим торжество. И берут равнение, словно люди, Братские знамена на него.

Славный путь за эти годы пройдем! Мы держим! Строим! Мы в пути. И Москва сияет, будто орден У земного шара на груди.

Нам желают счастья все народы — Миллионы преданных друзей. Здравствуй, праздник!

Мира и Свободы! — День рождения Родины моей!

## СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК 1950 ГОДА

Галина НИКОЛАЕВА

«...не было бы никакого Левинсона... если бы не жила в нем огромная, не сравнимая ни с каким другим желанием, жажда нового, прекрасного, сильного и доброго человека».

Так говорится в одном из самых ранних советских романов — в «Разгрома» А. Фадеева.

Новый человек, его судьба и развитие, его отличительные черты — основная тема советской литературы. Она неслучайна, эта тема, она будет звучать столетиями, не боясь повторений, не привнося в перепамят, потому что главная особенность советского человека и состоит в его стремительном движении вперед.

«Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня», — так сказал товарищ Жданов.

Каждый день советской действительности обогащает людей, и изображением этого повседневного духовного обогащения — едва ли не самая увлекательная задача писателя.

Конечно, нельзя упрощать и думать, что в характере советского человека то и дело возникают какие-то новые черты. Нет, однажды возникнув, черты эти со временем развиваются и приобретают новые качества. Само течение событий, происходящих в стране, и определяет и отражает перемены в духовном облике людей, ставших ее хозяевами тридцать три года назад.

Масштабы и характер этих событий таковы, что даже простое хронологическое перечисление их приобретает большую силу.

Давайте, читатель, перенестем с вами комплект газет 1950 года.

18 января — сообщение об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства в 1949 году... 15 февраля — подписание договора между СССР и Китаем... 1 марта — новое снижение цен... 9 мая — начало дискуссии по языкознанию на страницах «Правды»... 20 июня — опубликована работа И. В. Сталина «Общественно-марксистская в языкознании»... 28 июня — открылась Наволокская сессия... 4 августа — сообщение, что под Столбовским Возвышением подписались свыше 115 миллионов советских граждан... 21 августа, 31 августа, 12 сентября, 21 сентября — постановления Совета Министров СССР о великих сталинских стройках... 16 октября — Вторая Всесоюзная конференция строителей мира...

Тысяча девятьсот пятидесятый год — последний год послевоенной сталинской пятилетки, год великих строек коммунизма, нового расцвета науки, крепчайших дружественных связей с народами других стран, год широкого размаха борьбы за мир во всем мире.

Советский человек 1950 года — человек государственного образа мыслей, полновластный хозяин и преобразователь своей земли. В 1950 году с особой ответственностью советских людей не только за свою страну, но и за дело мира во всем мире.

Само по себе это чувство отнюдь не новое. Оно возникло еще в эпоху револю-

ции, гражданской войны и окрепло в годы мирного строительства. Оно получило отражение в советской литературе. Вспомним обращение Маяковского к английским рабочим:

Ваша радость — наша радость, боль — это наша боль и горе.

Вспомним широко известную «Гренаду» Михаила Светлова.

За годы Великой Отечественной войны это чувство обогатилось той уверенностью в своей силе, той гордостью за свою Родину, которые приобретаются народом только в великих победных битвах.

Огромную жажду «нового, прекрасного, сильного и доброго человека», которая звала к подвигу героев «Разгрома», сменял массовый подвиг миллионов таких сильных, добрых и уверенных в себе людей. На смену мечтательной песне о Гренаде, с ее «испанской грустью», пришла веселая и прозная шутка Хомы Хаецкого в парламенте освобожденного Булешта, обращенная к разбегавшимся министрам:

«... Не захотите жить мирно и ладно — будет вам горько, как геодинамический Фрицан. Не усмехайся, Ференц, не скажи на меня зубы. У меня еще у самого такле, что вьодзт перекуюти. И рука еще не сдает. И сыны еще дома растут, червоныи, как калина, крешке, как дубки. Я им пишу, чтоб смотрели с нашей Вулаги и на Дунай, и за Дунай, и на весь белый свет».

Прошли годы войны, и чувство ответственности народа-защитника перед народом всего мира обогатилось новыми чертами. Советский человек-освободитель стал верным другом многих народов, он

связан с ними повседневными деловыми отношениями, он принес своим друзьям колоссальный опыт строительства, он по-братски делит их радости и скорби.

Это чувство ответственности советского народа за дело мира во всем мире в 1950 году стало особенно массовым и действенным.

В год подготовки империалистами плацдармов для новых кровавых авантур, в год нападения на Корею советские люди усилили борьбу за мир. Непобедимый и уверенный в своей необходимости, мирный по самому духу своему народ, воздвигший пять лет назад знамя победы над фашизмом, теперь высоко поднимает знамя мира. Более 115 миллионов советских людей подписались под Столбовским Возвышением. Миллионы людей видят в своем труде вклад в дело мира.

Простые советские люди в своей борьбе за мир выходят на международную арену. Вот перед нами председатель далекого северного, расположенного за 70 километров от железной дороги колхоза Петр Алексеевич Прозоров. Где только не побывал он за последние годы! Венгрия, Чехословакия, Польша...

— Теперь в Англию посылают. Совсем международником сделается, — улыбаясь, говорит он. Его тянет домой, в свой колхоз, где все родное, близкое, любимое и обжитое. Но он, носитель передового опыта, чувствует себя обязанным поделиться этим опытом мирного созидательного труда с народами других стран. И он умеет рассказать об этом опыте умно, живо, красочно, увлекательно.

Вот перед нами учительница, мать двух героев Львов. Космодемьянская. Тяжело берет свои раны, но дело мира требует этого. В Париже, с трибуны Всемирного конгресса, она со всей силой своего материнского горя призывала матерей всех народов бороться за мир.

Пиклы стихов Ошанина, Шипачева, роман В. Собоко «Залог мира» и многие другие произведения показывают великое чувство ответственности советских людей за дело мира.

Важная черта советского человека 1950 года состоит в том, что сильнее, чем когда бы то ни было раньше, выступает он как преобразователь в природе, выступает с чудесной уверенностью, размахом и хозяйской властью.

Подлинный хозяин своей земли, советский народ по самой сути своей — преобразователь и покоритель природы. Вся история Советского Союза неразрывно связана с изменением лица земли, с орошением пустынь, с продвижением южной растительности на север, с освоением когда-то недоступных и диких гор и лесов. В одном из первых и наиболее значительных послевоенных романов, в романе Павленко «Счастье», уже наметена эта тема. Вспомним разговор товарища Сталина с саловником:

«... Против науки боязно как-то, Иосиф Виссарионович. При царе у нас тут какие специалисты были, а воздерживались».

— Мало ли от чего они воздерживались, — возразил Сталин. — При царе и люди плохо росли, так что же, — нам с этим считаться не следует. Смелее экспериментировать! Виноград и лимоны нам не только в ваших краях нужны».

Писатель рассказывает об этом замечательном разговоре, словно предчувствуя будущий размах в деле преобразования природы. Но никакая, даже самая богатая фантазия писателя не могла нарисовать те грандиозные работы, которые развернулись в стране через несколько лет после войны.

Мне приходилось видеть десятки молодежных бригад, сотни юношей и девушек, для которых лесонасаждение стало

делом их жизни. По особому впечатлению привлекло лесоводческое звание стариков колхоза «Красное поле» на Кубани. Семидесятилетний левачевый Семен Иванович Ромашевский говорил о деле преобразования природы как о чем-то родном, близком, и мне казалось, что о рождении долгожданного внука он говорил бы с такой же радостной заучиванностью. Надо было видеть, с какой трогательной заботой выхаживали семеноводческие деды крохотные, по колено, деревца, как вынавали пиз каждого выхоженного дятка.

В этом маленьком факте отразился дух нашего времени. Вместо рабского подчинения силам природы и терпеливого ожидания подкачки от земли и от неба, свистящего доревольционной деревне, — живой дух преобразования в многоплановом парате, сделавшем своим девизом слова Минуркина: не ждать милостей от природы, а взять их!

Великие новостройки 1950 года открыли новую эпоху в деле преобразования природы. Они замечательны не только своими неслыханными в истории человечества масштабами, но и своими качественными отличиями. Здесь сливаются в одно неразрывное целое труд рабочих и песни ученых, вопросы сельского хозяйства связываются с вопросами промышленности, ботаника сопрягается с металлургией. Нет такого уголка в стране, куда не доносилось бы дыхание новостроев!

Верное художественное раскрытие этой широкой преобразовательной деятельности советских людей требует от писателя нового подхода к материалу и к писательскому труду. Глубже и разностороннее должны быть знания писателя, разнообразные объекты изучения, шире круг освещаемых тем. Необходимо вынужден и в труд земельной, и в труд ученого, необходимо в самом себе выработать умение видеть в о в о п о н о в о м у, умение изобразить труд советского человека со всей

Под Москвой, за Мытищами, близ деревни Пирогово...

Об одном я только очень сожалел, что тут с ночевой туго...

Эта, я считаю, была прямая ошибка, что вы тут гостиницу или, скажем, хотя бы дом приезжих не строите...

Ну кто же это думал и гадал, что у нас получится такой размах и столько народу к нам вдруг поедет...

Этого размаха оказывается не предвидел и автор знаменитого, прославленного фильма...

А правда, что у вас теперь, при Ковалевском методе, нет работников, не выполняющих нормы?

Правда, — говорит сопровождающая экскурсантов работница.

Ну, конечно, фабрика у нас не новая. Даже можно сказать очень старая фабрика...

Поток экскурсантов, прибывающих на фабрику «Пролетарская победа», все возрастает. И это несколько встревожило ее работников.

По вторникам здесь можно встретить горняков, приехавших с Урала, забойщиков и врубашников из Довбысса...

Вот как рисуется образ нового человека, техника Тимошина, парторга автобазы, в романе Рыбакова «Водители»:

«Он обладал особым, рационалистическим складом ума, способностью видеть в вещах то, чего не замечали другие, стремлением все использовать...»

Скульптор, задумавший образ техника, вряд ли нашел бы лучшую натуру, чем этот человек в синей рабочей куртке...

В книге И. Горелика «Повесть о Сталинском лауреате» увлекательно и документально рассказано не только о высоком мастерстве и культуре советского рабочего...

Только Борткевич, открывший новую страну в истории резания металлов, разлетелся Дулиным, читающий лекции перед широкими аудиториями, прокатчик Турта-

ма умный способ, позволяющий обыкновенному, рядовому или даже отстающему работнику стать в сравнительно короткое время передовиком...

В одном из цехов пожилая ивановская текстильщица вдруг обделалась, когда ей показали, как здесь присучивают нить.

Ну уж, — сказала она, — вы меня извините. Может, вы думаете, что я сразу не выдала, как присучку делают. Разрешите-ка...»

Две экскурсантки из Купанья, землячки и соратницы известных теперь на всю страну Маруси Рожневой и Лиды Кононович, сравнивают дешёвую, старинную фабрику со своей, купаньской. Они говорят о том, что у них и оборудование ниже, производственные и в цехах, конечно, много светлее и просторнее...

Они говорят об этом, стоя в хлопчатобумажном цехе. И кажется, что говорят они из любви к делу. Гость обязан быть любознательным. Но не для важных же комментаторов они встретились здесь.

И правда, что у вас теперь, при Ковалевском методе, нет работников, не выполняющих нормы?

Правда, — говорит сопровождающая экскурсантов работница.

Ну, конечно, фабрика у нас не новая. Даже можно сказать очень старая фабрика...

Поток экскурсантов, прибывающих на фабрику «Пролетарская победа», все возрастает. И это несколько встревожило ее работников.

По вторникам здесь можно встретить горняков, приехавших с Урала, забойщиков и врубашников из Довбысса...

Вот как рисуется образ нового человека, техника Тимошина, парторга автобазы, в романе Рыбакова «Водители»:

«Он обладал особым, рационалистическим складом ума, способностью видеть в вещах то, чего не замечали другие, стремлением все использовать...»

Скульптор, задумавший образ техника, вряд ли нашел бы лучшую натуру, чем этот человек в синей рабочей куртке...

В книге И. Горелика «Повесть о Сталинском лауреате» увлекательно и документально рассказано не только о высоком мастерстве и культуре советского рабочего...

Только Борткевич, открывший новую страну в истории резания металлов, разлетелся Дулиным, читающий лекции перед широкими аудиториями, прокатчик Турта-

к своим руководителям и указывали на недостатки, тормозящие процесс освоения нового ассортимента. Они приходили в партийную и профсоюзную организации...

Это воднение, в сущности, рядовых людей о судьбах общего дела, характерное для наших новых советских нравов...

Повыходив фабричной столовой Прасковье Ложной, Анне Полухиной и Ларье Спиридоновой всегда казалось, что они готовятся в общий сносный борец, а также и лиц с катушкой и без-строганов, и котлеты, и каша рижская с маслом не выжывала...

Утром мы зашли к директору фабрики. Но там сказали, что директора нет.

Это значит, что директор пошел посмотреть, как идет ремонт жилых домов, как реставрируют лоды в общежитиях и белат стены. Хочется пожелать, чтобы директор энергичнее прошелся «по быту», тем более что директор и автор знаменитого теперь Ковалевского метода — это одно лицо.

Подло вечером, когда мы ужелили из Пирогова, к нам подошел последний экскурсант, опоздавший на поезд, старик-колхозник, приехавший из дальних мест, из Сибири.

И правда, что у вас теперь, при Ковалевском методе, нет работников, не выполняющих нормы?

Правда, — говорит сопровождающая экскурсантов работница.

Ну, конечно, фабрика у нас не новая. Даже можно сказать очень старая фабрика...

Поток экскурсантов, прибывающих на фабрику «Пролетарская победа», все возрастает. И это несколько встревожило ее работников.

По вторникам здесь можно встретить горняков, приехавших с Урала, забойщиков и врубашников из Довбысса...

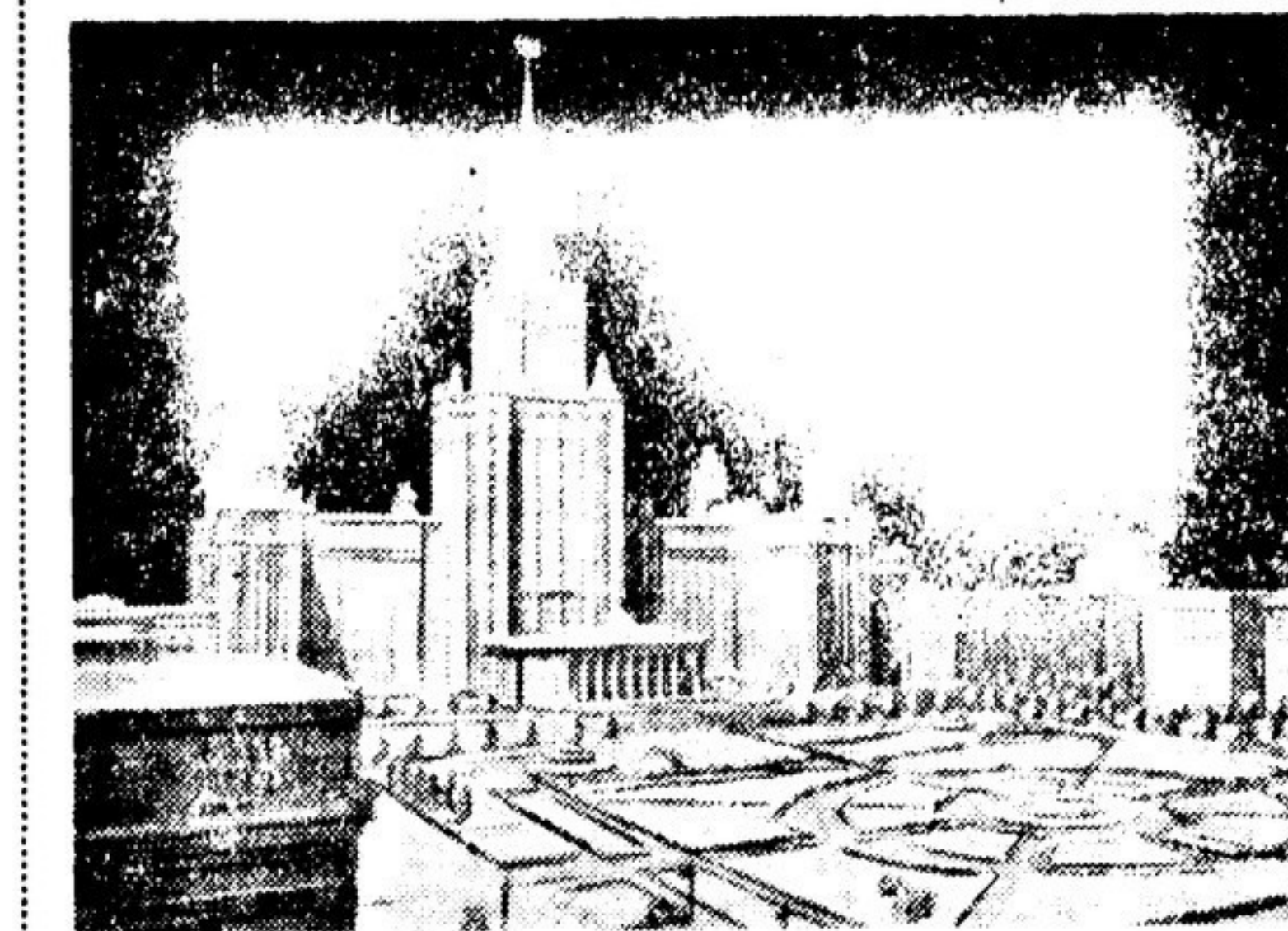
Вот как рисуется образ нового человека, техника Тимошина, парторга автобазы, в романе Рыбакова «Водители»:

«Он обладал особым, рационалистическим складом ума, способностью видеть в вещах то, чего не замечали другие, стремлением все использовать...»

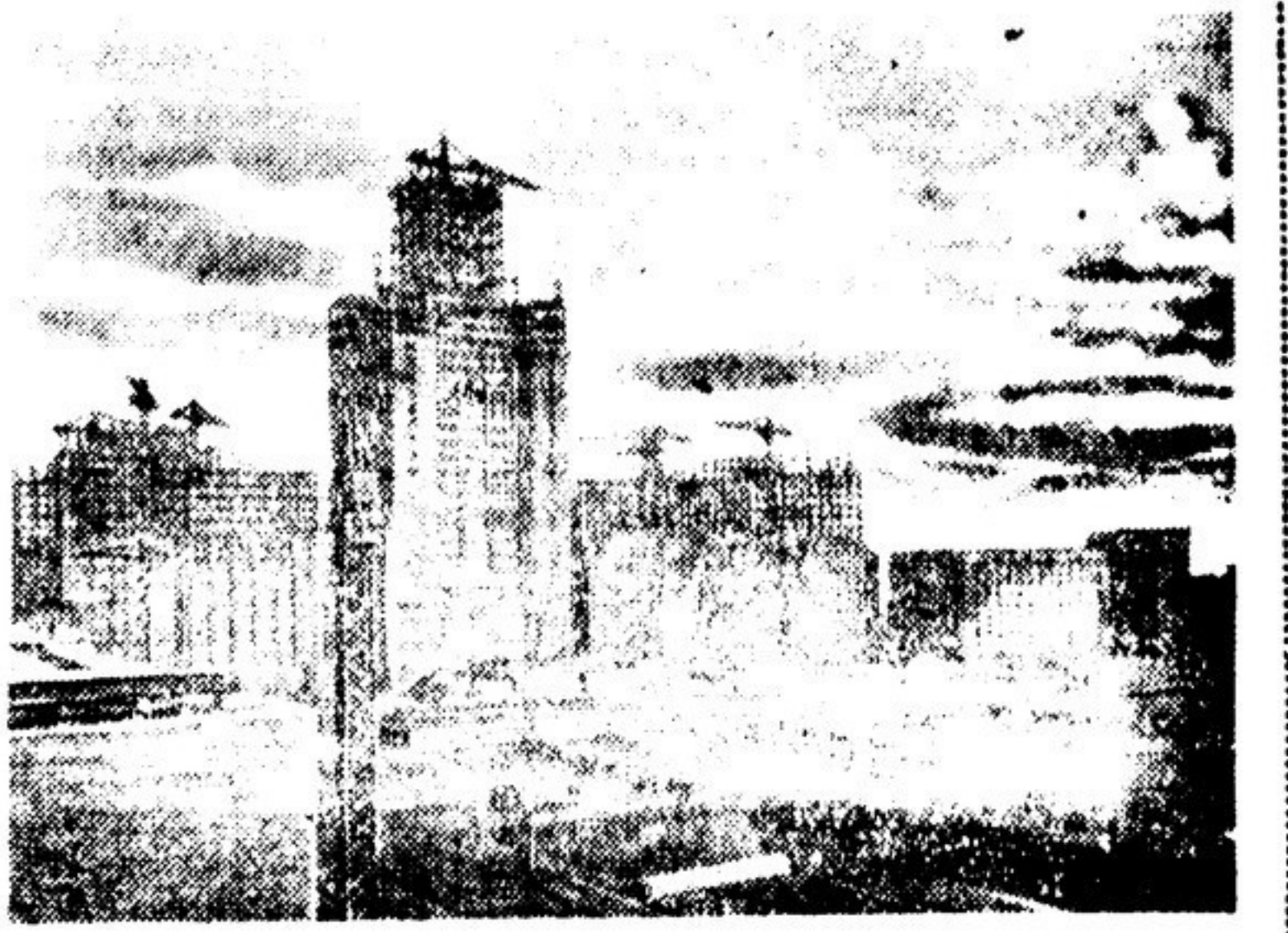
Скульптор, задумавший образ техника, вряд ли нашел бы лучшую натуру, чем этот человек в синей рабочей куртке...

В книге И. Горелика «Повесть о Сталинском лауреате» увлекательно и документально рассказано не только о высоком мастерстве и культуре советского рабочего...

Только Борткевич, открывший новую страну в истории резания металлов, разлетелся Дулиным, читающий лекции перед широкими аудиториями, прокатчик Турта-



Улучшены Москва-река, на Ленинских горах — самое высокое, одним из красивейших мест нашей столицы...



Нового здания МГУ. На втором — строительная площадка на Ленинских горах 1 ноября 1950 года.

СУДЬБА ИВАНА ДЕМКО

Его знают многие. В праздники портрет Ивана Демко — в ряду портретов знатных людей области на центральной улице Львова...

Прославившийся бригадир крепильщиков шахты № 2 Иван Михайлович Демко всего три года назад был безвестным рабочим на шахтах капиталистической Франции.

В 1927 году 23-летний молодой человек Иван Демко выехал из панской Польши искать счастья по свету.

Работал там по 14 часов. Залёбывались в воде, слепли от мрака, дрожали при мысли, что вот-вот на голову обрушится гнилое крепление.

После многих мытарств переехал Иван Демко во Францию. Удалось опытному шахтеру найти работу. Но и там, в «просвещенной» Франции, царил та же многочасовая изнурительная работа.

Новая жизнь Ивана Демко началась в 1947 году, когда он вернулся на Родину. Беспорядный шаталес стал советским рабочим, стахановцем, первым человеком в рабочем коллективе.

Не десятки обесцененных маршаллованных франков, а более двух тысяч полновесных советских рублей получает ежемесячно товарищ Демко.

С того дня, как бригада Ивана Демко стала на вахту мира, он ежемесячно вырабатывает по две-три нормы. Человек трудится во имя счастья своего народа.

«Уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является атом освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали человеческими и в объективном смысле», — так писал К. Маркс.

«Уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств, но оно является атом освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали человеческими и в объективном смысле», — так писал К. Маркс.

Необычайное в истории увлечение созданием трудом, свойственное советскому народу, отнюдь не исключает, а наоборот, закономерно ведет за собой расцвет других человеческих чувств.

Авторы здесь отстают от жизни. Документы, подлинные письма, высказывания и поступки рабочих часто идут вперед художественных произведений.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Кому сегодня светит слово Мир? Не господам из биржевых дел, купавшимся, словно в масле сыр...

Да разве понимает слово Мир напалывший разбойничий мундир, присвоивший военные чины капиталист, желающий войны?

И разве может оценить банкир величие значения слова Мир? Заочет разве жирный биржевик принять в расчет желания живых?

Или же может оценить банкир величие значения слова Мир? Заочет разве жирный биржевик принять в расчет желания живых?

Он, в страхе перед собственным коконом,

МИР

точащий ядовитую слюну, залл бы рта расславленными свином, — гремящие: «Долой Долой войну!»

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

ЗАЩИТНИКИ СЧАСТЬЯ

Соратники — неслесными, Друзья друзей — не сотчены, Мир защитили и спасли мы.

На тех просторах необятных Вскрой семь пластов земли сырых, — Там спит герой в доспехах ратных, Над ним живые встали в строй.

Над ним сомкнули строй живые, Неколебимы и тверды Колонны их сторожевые, Передовые их ряды.

Сожженные не раз врагами, Вновь полнятся мон крад Садами, пашнями, лугами И ликованием соловья.

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

И, широко расправив плечи, Стоим — защитники его.

И если мать растит грузина, Свою любовь и благодать, Она извечно учит сына Не покорять, а созидать.

Захватчиков уничтожая, Сын возвращается к труду, Зерно большого урожая Он поднимает, как звезду.

О мире праведное слово Придет, подобное ролю, И в песне прогнет сурово, Как смертный приговор войну.

За песней движется по следу Мирлоубивый люд земной — Торжествовую победу Над уничтоженной войной.

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

Мы обращаем к миру реч, Мы мира видим торжество

М И Р

точащий ядовитую слюну, залл бы рта расславленными свином, — гремящие: «Долой Долой войну!»

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

Мы подпишем своих растений сеть, чтоб зверь войны, запутавшись в них, остался обезвреженным висеть.

# Город Сталино—город Шеффилд

РАЗГОВОР ДВУХ ГОРОДОВ НАКАНУНЕ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОНИКОВ МИРА

Трудящиеся советского города Сталино и английского города Шеффилда, расположенных в разных странах, но живущих в одной общине интересов — интересах сохранения мира во всем мире, связаны между собой дружеской перепиской. Двадцатого мая этого года в Шеффилде состоялась конференция местного отделения Общества англо-советской дружбы, в которой участвовали также делегаты пятнадцати профсоюзных организаций. На конференции было принято обращение к жителям Сталино.

Так было положено начало дружбе. Тринадцать дней спустя — третьего июня — в лучшем здании столицы шахтерского края собралось свыше 1500 жителей города Сталино — рабочие, служащие, инженерно-технических работников, предста-

вителей шестидесяти профсоюзов. Собрание торжественно приветствовало добрую инициативу простых людей Англии, направленную на укрепление дела мира.

С тех пор, как оба города обменялись посланиями дружбы и мира, жители Сталино пристально следят за тем, что происходит в Шеффилде, как разворачивается там борьба за мир, а рабочие Шеффилда, в свою очередь, живо интересуются тем, как живут и трудятся на благо мира их советские друзья. 2 ноября состоялся разговор по телефону между городами Сталино и Шеффилдом. Сталинская областная комиссия содействия Советскому Комитету защиты мира разговаривала с Комитетом защиты мира г. Шеффилда. Ниже помещаем запись беседы.

Сталино: Шеффилд, слышите вы нас?

Шеффилд: Я соединил вас с номером 24.636. У телефона член Городского комитета защиты мира миссис Грин.

Сталино: Миссис Грин! С вами хотят поговорить ваши друзья по борьбе за мир из советского города Сталино — инженер-конструктор Александр Башков, председатель областной комиссии содействия Советскому комитету защиты мира, Ермай Жук, почетный шахтер, Герой Социалистического Труда, и Прасковья Агафоновна, домашняя хозяйка. Они интересуются, кто будет участвовать в беседе с вашей стороны?

Грин: Сердечный привет жителям славного города Сталино, с которыми нас связывает совместная борьба за мир! По поручению жителей города Шеффилда с вами будут разговаривать мистер Уилсон, секретарь шеффилдской секции Профсоюза рабочих-литейщиков; миссис Баркрофт, домашняя хозяйка, сторонница мира, собравшая тысячу подписей под Стокгольмским Воззванием; мистер Сиддэл, демобилизованный солдат, механик по профессии.

Прежде чем предоставить им слово, я хочу как член Комитета защиты мира рассказать о том, что сегодня происходит в нашем городе. Мы переживаем сейчас волнующие дни. 13 ноября в городской ратуше Шеффилда открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира. В нашем городе создан специальный подготовительный комитет. В него входят свыше пятидесяти видных общественных деятелей Англии. Мы ждем участников молодежной эстафеты мира, которые должны прибыть в Шеффилд в день открытия конгресса. Участники эстафеты возлагают венки на памятники героям войны, находящимся у здания ратуши, и вручат председателю конгресса послание доброй воли.

Почти в каждом доме ждут гостей. Сотни жителей Шеффилда с радостью предлагают квартиры делегатам конгресса, прибывающим со всех концов земного шара. И малы и старые хотят присутствовать на открытии конгресса. Все мы гордимся тем, что Второй Всемирный конгресс сторонников мира состоится в нашем рабочем городе, в городе, который не раз поднимал свой голос в защиту мира.

А теперь передаю телефонную трубку Уилсону, секретарю шеффилдской секции профсоюза рабочих-литейщиков.

Сталино: У телефона Герой Социалистического Труда Жук.

Уилсон: Друзья из далекого, но близкого нам по духу города Сталино! Передаю вам привет от металлургов Шеффилда, стоящих сегодня вместе с вами в первых рядах борьбы за мир. Шеффилдская секция самая крупная из всех, входящих в состав профсоюза рабочих-литейщиков. Все члены нашей секции не только сами подписали Стокгольмское Воззвание, но и активно участвовали в сборе подписей.

Жук: Это очень хорошо. А что сейчас делают рабочие Шеффилда для укрепления мира?

Уилсон: Все мы заняты подготовкой к конгрессу. В цехах, на улицах, в жилых домах обсуждаются Пракские предложения. Простые люди Шеффилда проявляют инициативу, вносят свои пожелания, как обуздать пронацистскую войну, как сохранить мир во всем мире. Мы знаем о той большой работе, которую вы ведете в защиту мира. Две наши рабочие делегации уже побывали в Советском Союзе. Одна из них, избранная на ежегодном съезде членов нашего профсоюза, посетила СССР совсем недавно. Съезд решил оказывать

моральную и материальную поддержку всемирному движению сторонников мира. Мы не стоим в стороне! Жители Шеффилда рады приветствовать в своем городе делегатов конгресса. Я думаю, что успех конгресса зависит не только от наших иностранных гостей, а также от активного участия британской делегации.

Сталино: Мистер Уилсон! Вам хочется сказать несколько слов инженеру Башкову.

Вашков: Сердечный привет нашим друзьям в Шеффилде. Мне и моим товарищам было приятно узнать, что жители Шеффилда относятся к Всемирному конгрессу сторонников мира, как к своему родному, близкому делу. Каждый житель нашего города трудится сегодня во имя мира. Во имя мира шахтеры Сталино уже добились в этом году тысячи тонн угля сверх государственного плана, а металлурги увеличивают выпуск металла для великих строек коммунизма, мощных гидроэлектростанций на Волге и Днепре, грандиозных каналов. Мысль о мире, о счастье людей окрыляла меня и моих товарищей, когда мы разрабатывали конструкцию угольного комбайна; теперь угольные комбайны уже работают в лавах наших шахт, где десятки тысяч горняков несут тяжкое бремя.

Нам, советским людям, вдвойне дорого дело мира. Мы больше всех принесли жертв в недавней войне. Никто в нашей стране не выступает с угрозами миру, свободе и демократии, какие часто приходится слышать из уст политиков вроде Черчилля, Даллеса, Брэдли. Давайте, друзья, содействовать тому, чтобы парализовать пронацистские поджигательские войны! Хорошо будет, если вы поддержите предложение о составлении списка поджигателей войны. Народы мира должны знать врагов человечества!

Уилсон: Вы совершенно правы! Мы горячо поддерживаем эти предложения.

Грин: У телефона миссис Баркрофт.

Сталино: Передаем трубку Прасковье Агафоновне.

Баркрофт: Скажу вам прямо: английским женщинам, матерям Шеффилда, противна и ненавистна война. Когда я заявляю так, я думаю о сыне — крошке Майке и о дочурке Дороти. О настоящем и будущем моих детей. Вас, наверное, интересует, что я, рядовая англичанка, сделала для сохранения мира. Я не сидела сложа руки. Я уже собрала тысячу подписей под Стокгольмским Воззванием и буду продолжать всеми силами бороться за мир, за наше святое дело.

Агафоновна: Я не сомневаюсь в том, что женщины Шеффилда поймут меня, как я понимаю миссис Баркрофт. Есть у нас, матерей, одно чувство, которое понятно всем женщинам, населяющим земной шар — чувство матери. У меня было три сына. Теперь остался два. Старшему Брису пошел бы нынче тридцатый год. Но он погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Его отнял у меня Гитлер. Велико было мое горе. Вы поймете меня, миссис Баркрофт, ведь у вас тоже есть мальчик, которого зовут Майк.

Вы активно боретесь за мир, ибо мир нужен вам, миссис Грин, вам, миссис Баркрофт, так же, как нужен мне, как нужен миллионам матерей. Вот почему мы все должны во всеуслышание заявить: наши дети не будут убивать друг друга!

Баркрофт: Я с вами, миссис Агафоновна, вполне согласна.

Сталино: У телефона снова Ермай Семенович Жук.

Грин: Мистера Жукова слушает мистер Сиддэл.

Жук: Я расскажу коротко о себе.

Я — котомственный донецкий шахтер, отдавший 50 лет жизни родной шахте и получивший от государства пенсию. Несмотря на свои 70 лет, я не покидаю забоя. Советь подсказывает мне: чем больше я и мои товарищи выйдем угля на-гора, тем крепче будет мир на земле...

Несколько дней назад я вернулся домой из Москвы. Был на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира. В качестве гостя на нашей конференции присутствовал председатель Английского комитета защиты мира мистер Броутер. От имени всех женщин и мужчин Англии, любящих мир, он передал теплое приветствие советскому народу. Спасибо вам за добрые слова!

В речи мистера Броутера мне особенно запомнилась та часть, где он говорил об аэродромах, построенных американцами на британской земле. Слушая я его и думаю: «Зачем англичане позволяют, чтобы их островам использовались как база для новой агрессии?»

Сиддэл: К сожалению, английский народ не вполне осознает тот факт, что американцы хозяйничают в нашей стране как оккупанты. Когда народ поймет это, а я думаю, что это произойдет скоро, он тотчас же вышвырнет вон с Британских островов обнагивших янки. И правильно сделает!

Жук: Многие иностранные газеты пишут о «железном занавесе», якобы существующем в Советском Союзе. Ваши люди гостили у нас в Донбассе, видели все, что хотели видеть. А вот ваш премьер-министр Эттли, который на всех перекрестках кричит о независимости Англии, отозвал наших писателей Илье Эренбургу, Николаю Тихонову, Александру Корнейчуку в правый въезд в Англию. А ведь они не только наши любимые писатели, но и активные борцы за дело мира. Выдать мистера Эттли бояться, что простой народ Англии услышит правду, услышит слово в защиту мира.

Сиддэл: Вы безусловно правы. Мы, простые люди, расцениваем факт отказа в визах Эренбургу, Тихонову, Корнейчуку, как позорный поступок английского правительства. Он свидетельствует не о слабости или о слабости премьер-министра, который боится слова «мир»...

Грин: Только что к нам в Городской комитет защиты мира зашел мистер Крисс — секретарь Ассоциации научных работников Шеффилда. Узнав о нашем разговоре, он хочет кое-что сказать вам, советские друзья.

Крисс: Дорогие друзья! Прежде всего я хочу сообщить вам, что наша Ассоциация научных работников на своем ежегодном съезде приняла резолюцию, осуждающую атомное оружие, и обратилась к английскому правительству с требованием начать переговоры в Организации Объединенных Наций о прекращении производства атомных бомб. Что касается меня, то я принадлежу к числу многих научных работников, которые будут присутствовать на Всемирном конгрессе в Шеффилде и будут поддерживать его решения, направленные против поджигателей войны, в защиту мира.

Грин: В заключение хочу сказать, что мы записали на пленку нашу беседу, и теперь ее смогут услышать тысячи рабочих Шеффилда. Простые люди Англии смогут еще раз убедиться в дружеских чувствах и миролюбии советских людей.

Сталино: Желаем вам всяческих успехов в борьбе за мир! До свидания!

Шеффилд: Спасибо за ваши пожелания! Всего доброго, друзья!



«Каждую минуту — борьба за мир!» — призывает жителей Эрфурта, граждан Германской демократической республики, надпись, окаймляющая часы на башне здания дирекции железных дорог. (Снимок из «Вохе им Бильд», иллюстрированного приложения к немецкой газете «Берлинер Цейтунг».)

Говард ФАСТ

## Слава республике трудящихся!

Правду нельзя истребить. Правда о Советском Союзе — это колосс, которого не поколебать никакой силе в мире.

С тех пор, как я достиг достаточно зрелого возраста, чтобы понимать значение слов, мне (и всем американцам) пришлось выслушать немалое количество лжи и клеветы на Советском Союзе. Три десятилетия без перерыва в Америке разжигают ненависть к СССР, обливают его грязью. Антикоммунистическая брехня стала крупной отраслью американского «бизнеса», в которой подвизаются свои «специалисты» — целая иерархия специалистов, начиная от высочайших должностей, верховодящих всем этим делом с помощью второстепенных подставных людей, и кончая обыкновенными политическими провокаторами и проститутками. В Соединенных Штатах Америка существует институты, школы, комитеты, ассоциации, газеты, журналы, которые только тем и заняты, что сеют клевету по адресу советского государства, зарабатывая на этом солидные барыши.

Но и после тридцати лет разгрома злобной пропаганды правда о первой в истории могучей республике рабочих и крестьян сияет во всем своем блеске. Большинство американцев отказывается ненавидеть социалистическую державу, отвергает ложь и клевету о ней и попрежнему верит в величие, добро и справедливость идей, воплощенных в Советском Союзе. Разве одно это не свидетельствует о величии роли СССР? Разве одно это не говорит о том, что американский рабочий класс сохраняет здоровую душу?

Есть очень много мужественных людей здесь, в моей отчизне. И в нынешнем ноябре тысячи этих людей по всей Америке торжественно отпразднуют годовщину Октябрьской революции, вызвавшей к жизни великий Советский Союз.

Они, эти люди, вспоминают слова, сказанные когда-то давно Линкольном Стеффенсом: «Я видел будущее и знаю: оно работает на нас». Они вспоминают битву под Сталинградом, где были спасены светлые надежды человечества. И они от всего сердца пожелают, чтобы могучие силы мира во всем мире во главе с Советским Союзом избавили человечество от ужасов и разрушений новой войны.

Слава Великой Октябрьской революции! Слава республике трудящихся! НЬЮ-ЙОРК. (По телеграфу)

М. МОРОЗОВ

## Памяти Бернарда Шоу

На девятнадцатом году жизни умер Бернард Шоу, замечательный английский драматург, в лучших своих произведениях — острый и блестящий сатирик. Шоу вступил на литературное поприще в конце прошлого века, в те годы, когда обострение классовых противоречий всколыхнуло сознание передовой части английской интеллигенции. Уже в своих ранних критических статьях, полных боевого задора, молодой Шоу клеймил штампы и рутину, царившие в английском театре, и призывал английский театр повернуться к живой действительности. В 1893 году была поставлена первая пьеса Шоу «Лондонские трущобы».

Боле ста лет отделяет повзвешение этой пьесы от сатирической комедии Шеридана «Школа азовых» (1777 г.). За этот длительный срок в Англии не было создано ни одной сколько-нибудь значительной пьесы, если не считать «Мистерия» Байрона и трагедии Шелли «Ченчи» — произведений, принадлежавших скорее поэзии, а не театру. «Лондонские трущобы» явились, таким образом, фактом первооткрывательного значения в истории английской драматургии, и притом отнюдь не только художественного значения. С самого начала своего творческого пути Шоу был принципиальным противником так называемого «искусства для искусства», писал он в письме к Лью Толстому, — и не шеваляу пальцем, чтобы заманить прозаичное, в котором нет ничего, кроме художественных достоинств.

«Лондонские трущобы» — яркая сатира, направленная против буржуазного общества. За ними последовала вторая пьеса Шоу — «Профессия господина Уоррен». Всяма «репрезентативная» английская драма в действительности оказывается собственнической огромного треста публичных домов. В свое время эта пьеса вызвала пелую бурю. В Англии и США она была запрещена цензурой. В Нью-Йорке даже арестовали актеров, игравших эту пьесу. Эти две ранние пьесы Шоу по остроте и целеустремленности общественной сатиры, несомненно, являются его наиболее сильными пьесами. Но и в дальнейшем на лучших страницах своих произведений, более зрелых в отношении художественного мастерства, Шоу оставался общительным и либеральным буржуазным «моралистом», скрывающей под филым листком «пристойности» грубый и хищный аморализм.

Своему искусству Шоу прежде всего учился у жизни, из жизни черпал вдохновение. «Если драматург, живущий среди действительности, принужден черпать мысли и вдохновение только из книг, он, значит, не видит и не слышит», — писал он. Вместе с тем Шоу был исключительно начитанным и широко образованным человеком. Много сил отдал он изучению литературного мастерства. Он сумел воспринять лучшие традиции отечественной сатирической комедии и литературы.

«Мой родной язык — английский язык Спифа», — заметил однажды Шоу. Огромное значение для Шоу имело его знакомство с русской литературой. Шоу сам писал, что находит «золотую жилу драматического материала» в живой действительности он учился у Льва Толстого. Шоу первым из английских писателей оценил Чехова, которого он называл «звездой первой величины». Он глубоко чтит Горького.

Реалист по существу своего творчества, Шоу сумел оценить в русской драматургии непреодоленную силу жизненной правды и сам признавал себя учеником русских писателей.

Поражая сатирическим остротом своих пьес злобные «трагедии» Англии эпохи расцвета буржуазии, Шоу в качестве оружия, весьма неприятного для «пуританских» джентльменов, часто прибегал к парадоксу. Были, правда, моменты, когда Шоу начинал увлекаться парадоксом, как самоцелью, и сравнивал свое творчество, сам недооценивая его значение, с вращением в простую игру слов и лишь затуманивал подлинный блеск творчества самого остроумного человека современной Англии. С другой стороны, те противоречия, которые Шоу не сумел изжить в своем мировоззрении, часто увидели его в лабиринт путанных умозаключений. Теряя боевой задор, Шоу все же превращался в холодного скептика и как бы застыл в нерешительности. Но рядом с этим неясным образом всегда жила другая, настоящая Шоу — вечное юный, живой, жизнерадостный, глубоко верящий в высокое назначение человека.

Уже стариком Бернард Шоу посетил Советский Союз. Вернувшись в Англию, он говорил о Советском Союзе, как о маяке, указывающем дорогу в будущее, как о надежде всего человечества. Он остался другом Советского Союза. Существует недавно снятая фотография Шоу, который демонстративно, на зло врагам всех мастей и оттенков, держит в руках советский журнал.

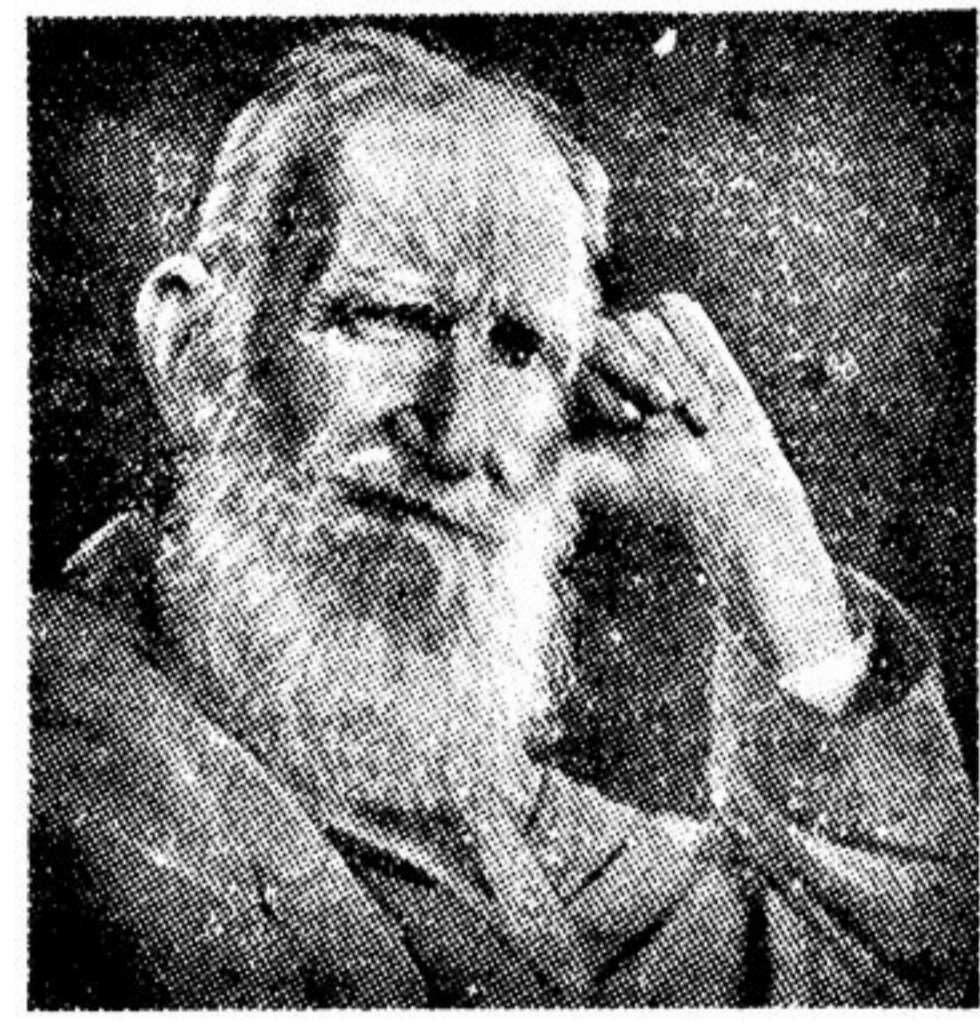
Матери «реакции» издавна не любил Бернард Шоу. Правда, приходилось считаться с его всемирной известностью. Кроме того, полемизировать с ним было крайне опасно: в искусстве полемик не было ему равного в Англии. Реакционные литературоведы прибегали к своему излюбленному приему: делая почтительное лицо, они замалчивали общественное содержание творчества Шоу. Впрочем, иногда пробивается наружу и открывает ненависть. Так, например, в английской

театральной прессе недавно появилась рецензия на поставленный в Лондоне спектакль «Профессия господина Уоррен». Каждая строка, каждое слово этой рецензии дышет ненавистью к пьесе. Но нам пришлось читать и другую английскую рецензию на тот же спектакль. Под впечатлением пьесы Шоу рецензент говорит о том, как важно для молодых английских драматургов пристальней взглянуть в окружающую их действительность, а следовательно, прежде всего рассказать в своих пьесах о невыносимом положении английских трудящихся.

Среди того удела и разложения, которые переживают искусство, драматургия, литература в Англии, стране, где, как писал Шоу, «деньги говорят, деньги печатают, деньги господствуют над всем», лучше из того, что создал Шоу, звучит и будет звучать призывом искать дорогу правды, любви к человечеству и ненависти к лицемерным ханжам, которые, прикрываясь благочестивой фразой, метают о кровавой бойне.

Творчество Шоу хорошо известно советским читателям и зрителям. В советское время его произведения неоднократно переводились на русский язык, на многочисленных сценах больших и малых городов Советского Союза ставятся его пьесы. За постановку в 1943 году на сцене Малого театра пьесы Бернарда Шоу «Патмидон» группа учащихся спектакля была удостоена почетной награды — Сталинской премии.

Все то подлинно значительное, благородное, правдивое, что создал Шоу, нашло высокую оценку в Советском Союзе, где с искренней скорбью была встречена весть о смерти большого писателя, который в периоды творческого подъема был «одним из самых смелых мыслителей Европы», как сказал о нем А. М. Горький.



## БЕЛЫЙ ДОМ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Об этом доме не скажешь: «Хата с краю». Он стоит в самом центре всех агрессивных замыслов, всех заговоров против мира. Это — Белый Дом. Так во всяком случае называли его при прежних «домовладельцах». Теперь это название смущает самих американцев: «Если этот дом — Белый, — говорят они, — то почему же он коричневый, а если он коричневый, то почему он смачивает на желтый?»

Нынешний «домовладелец» не только перекрашивает дом. К четырем его колоннам он добавил пятую. На нее-то (смотри рисунок!) и опирается внешняя политика Белого Дома. Вглядитесь в украшающие эту колонну политические фигуры: Аденгауэр, Спай и прочие де Гасперы...

Здесь и Гудерия. Битый немецко-фашистский генерал пришел поделить с местными стратегами. В Белом Доме он чувствует себя, как дома.

На «флажке» дома (еще раз смотри рисунок!) трещет флаг ООН. Поднимает его личный секретарь мистера Ачесона и двуличный секретарь ООН —

«мироточивый» г. Трюгве Ли. По кровавому отпечатку на флаге видно, что к «мировой акции» г. Ли генерал Маккартур «ручку приложил».

Неподалеку от «флажки» — знаменитая «Хижина дяди Томаса» — комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Сменивший проворонавшегося республиканца Томаса в качестве демократа Вуд небезуспешно осваивает опыт Гимлера.

На кухне Белого Дома — оживление. Шед-повар Маршалл и его помощники Эзенхауэр и Брэдли горячо расхваливают «холодную войну» и хладнокровно готовят «горячую».

В лакейской ожидают хозяйских приказаний Ли Сын Ман и Шу-ман. В одном из углов чердака приоткрылся Чан Кайши и Цзян Тин-фу. Предчувствуя свое будущее, жмется к угловым жильцам «император» Бао Дай.

В зале для пробы голоса идет репетиция предстоящего голосования на Генеральной Ассамблее. У директорского пульта — Ачесон. Он доволен. Голос здесь, собственно, нет, но подголоски — выше потолка!

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.